

Е.И. Николаева

Психология детской лжи

Статья посвящена анализу причин детской лжи в разные возрастные периоды и методам работы с ней в зависимости от психологических особенностей возраста.

Введение в проблему

Для начала следует откровенно признать, что культура, в которой живут и дети, и родители, включает в себя ложь как необходимый феномен.

Любой воспитанный человек вынужден иногда или просто лгать, или говорить полуправду исключительно из чувства такта, хорошего тона. Мы не говорим нашим серьезно больным близким, что они выглядят как покойники. И не свидетельствуем приехавшей из отпуска подруге, что от загара морщины на лице стали более глубокими. Мы не произносим того, что, как нам кажется, может обидеть или задеть других. И мы не считаем себя при этом неисправимыми лгунами, которым в будущем не светит ничего, кроме тюремных нар. Но мы можем запросто обрисовать подобную перспективу нашему ребенку, если он сказал, что съел всю кашу, а мы потом обнаружили ее в тарелке у кошки.

Ребенок с рождения окутан мягкой и теплой ложью. Взрослые рассказывают ему сказки, в которых герои постоянно обманывают друг друга. Возможно, не лжет лишь один Колобок, честно признающийся первому встречному в том, что он надолго не задержится и уйдет. Более того, мы все знаем, чем закончилась эта его приверженность открытости и честности. Может быть, Курочка Ряба будет нести исключительно простые яйца, но нам известно лишь ее обещание, и никаких дополнительных фактов о его реализации в дальнейшем нет.

Все остальные герои, чтобы совершить свой геройский поступок, нагло врут. Маша, разломавшая у медведей все, что могла, просто сбежала, оставив медведей один на один с разоренным ею жилищем. Другая Маша, чтобы вернуться домой, сделала короб с двойным дном, и всю дорогу до дому лгала Медведю о том, что она «высоко сидит, далеко глядит». Дюймовочка обманула Крота и мышь, которая добродушно позволила ей перезимовать в холодную зиму. Золушка, безусловно, обманула принца, представившись принцессой. И она никогда бы не обрела своего счастья честным путем. Русалочка тоже прикинулась женщиной и вышла замуж ценой обмана. Перечитайте другие сказки, и эта книга покажется вам бессмысленной.

Николаева Елена Ивановна — доктор биологических наук, профессор кафедры психологии и психофизиологии ребенка Российского государственного педагогического университета им А.И. Герцена.

Автор более 260 научных работ.

Подготовила в качестве научного консультанта — одного кандидата наук; в качестве научного руководителя — шесть кандидатов наук.

Лауреат Национальной премии «Золотая Психея» 2003 и 2004 г.г., победитель — в 2009 г.

В 2006 г. получена Грамота МО РФ за учебник «Психофизиология».

Заместитель редактора журнала «Психология образования в поликультурном пространстве» (изд-во ЕГУ).

Участник научных сообществ: Российское физиологическое общество (с 1976 г.); Американская академия наук (с 2001 г.); Академия педагогических и социальных наук (с 2003 г.); Российское психологическое общество (с 2003 г.); Европейская ассоциация психологии здоровья (ЕНРА, с 2004 г.); Европейская ассоциация по психологии развития (с 2008 г.); Межрегиональная ассоциация когнитивных исследований (с 2008 г.).

Почему, предлагая таких героев как образцовых, мы надеемся, что в этой вакханалии лжи наши дети останутся уникальными объектами предельной честности? Зачем, нежно любя ребенка, только его наделять добродетелью правдоискателя, прекрасно зная, что мир больно бьет таких людей?

В предложенной работе доказывается, что родители, сталкиваясь с детской ложью, боятся не ее, а утраты искренних и доверительных отношений.

Эти рассуждения, в свою очередь, ведут к трем следствиям:

- 1) дети обязательно в какой-то момент начинают лгать, поскольку они живут в мире, где это явление встроено в контекст жизни;
- 2) преодоление этой проблемы является важнейшим фактором личностного роста как ребенка, так и его родителей, способствующее сплочению семьи и повышению уровня интимности. А посему столкновение с детской ложью — не трагедия, а задача, решение которой ведет к развитию и психологическому росту всей семейной группы;
- 3) детская ложь исчезает, если восстанавливаются доверительные отношения между родителями и детьми.

Ложь и младший школьник

Уже в дошкольном возрасте формирование доверия между малышом и взрослым ведет к исчезновению условий для лживого поведения. Если доверие существует, ребенок все более и более начинает дожить им по мере взросления.

Но это не значит, что и при теплых отношениях с родителями ребенок никогда не соврет. Родители предъявляют уже к школьникам большие требования, чем к дошкольникам, и это естественно. Но весьма часто эти требования слишком велики, а наказание — слишком серьезно. И ребенку ничего не остается, кроме лжи.

Можно вспомнить ситуацию, описанную М. Зощенко в автобиографическом рассказе «Дневник». Минька был очень правильным ребенком и старался выполнять все требования взрослых. Но когда он пошел в школу, ему многое не объяснили. И в силу некоторых обстоятельств, в большей мере от него не зависящих, он получил двойку. Двойку учитель поставил в дневнике. Минька сразу даже и не понял последствий, которые вытекали из ее получения. Отец обещал мальчику купить фотоаппарат, если тот будет хорошо учиться. Старшая сестра, сведущая во многих делах, объяснила Миньке, что если папа увидит двойку, то фотоаппарата тому не видать. Она же и придумала, как лучше выйти из положения: нужно потерять дневник. Загнанный в угол мальчишка терял дневник несколько раз, пока отец не обнаружил один из них с двойкой. Тогда Минька от безысходности признался в том, что есть еще несколько дневни-

ков. И когда пришел учитель, обнаруживший один из дневников за школьным шкафом, и заявил отцу, что его сын — лжец, отец встал на защиту сына, сообщив, что он уже знает про множество дневников. Отец похвалил сына за честность и подарил фотоаппарат.

В рамках школьных занятий нужно научить ребенка справляться с поражениями. Их будет впереди много. Есть люди, которые, испытав первое поражение, не имея поддержки близких, навсегда уходили в мир фантазий. Но есть и такие, для которых поражение становилось трамплином к будущим успехам. Например, А. Адлер в детстве плохо учился. Учитель, вызвав его отца, сказал тому, что из его сына вырастет только сапожник, поскольку он никогда не освоит математику. На это заявление ментора отец ответил, что его сын никогда не станет сапожником. Вернувшись домой, отец сам сел с сыном за уроки. Они интенсивно занимались математикой по вечерам. Через некоторое время Адлер стал первым учеником в классе по этому предмету, а затем, получив удовольствие от первого успеха, уже сам стал подтягивать себя и по другим предметам. Стоит отметить, что отец Адлера не учинил расправу над сыном. Он сделал важнейшую работу родителя — научил учиться и получать удовольствие от успешно проделанной работы.

Однажды мне пришлось вести урок в первом классе. Я задала детям вопрос: «Были ли случаи в вашей жизни, когда вы совершили проступок, но вас не наказали?».

Большая часть учеников вытянули руки в страстном желании рассказать о том, как это было у них. Один мальчик сказал, что он без спросу взял у бабушки деньги, но она, обнаружив пропажу, его не наказала. На вопрос: «А ты еще раз так поступишь?». — мальчик отрицательно покачал головой и сказал весьма проникновенно: «Нет». Чувствовалось, что благодарность переполняла его душу, и ему очень хотелось оправдать возложенное на него доверие.

Дети бывают очень тронуты, когда взрослые не соотвечают с расправой. В этот момент им хочется соответствовать требованиям родителей и быть «хорошими».

Я помню, как в моем послевоенном детстве в глухом сибирском городке произошла невероятная радость — мама привезла из поездки фантастические апельсины. Стоит оговорить, что тогда их не было не только в магазинах. О них даже не мечтали. Мне было пять лет. Мама раздала каждому из наших родственников по одному апельсину. Бабушка положила свой фрукт на стол, надеясь, что съест его позднее. Я помню, что, увидев на столе оранжевое чудо, не могла удержаться и съела его. Но поскольку была еще мала и не думала о последствиях, то все корочки остались на виду, так что любой мог догадаться, кто съел апельсин. Я помню, как бабушка с недоумением обнаружила корочки. Но никто не стал ничего выяснять, мама

достала из запасника другой и отдала бабушке. Меня никто не наказал, даже никто ничего не сказал, но я запомнила это навсегда. И никогда позднее у меня не возникало желания взять чужое. В тот момент мне вдруг стало очень жалко бабушку, не разделившую со мной восторга от необычного вкуса. Я научилась прогнозировать: вещи лежат определенным образом не потому, что случайно взялись ниоткуда. Кто-то планирует их дальнейшую судьбу. И этот же случай сейчас помогает мне понять детей, которые не сразу осваивают эту мысль. Практически всегда она рождается у них после ошибки.

В том же первом классе, где я задала вопрос о случаях ненаказания, было несколько детей, которые так и не подняли руку. Я спросила у одной девочки: «А тебя всегда наказывают? У тебя не было случая, когда бы тебя не наказали?» И она очень горько сказала: «Нет». Жаль, что эту интонацию не слышали родители, которые возможно полагают, что все ошибочные действия должны строго пресекаться. Откуда же тогда ребенок научится великодушию и щедрости?

Мы не говорим о безнаказанности. Ведь любой родитель может просто взглянуть на ребенка, чтобы понять, осознал ли тот суть происходящего, или нет. Когда наказание чрезмерно, оно, безусловно, может изменить поведение ребенка, но оно не создает основу доверия и интимности, которые сами по себе влекут желание слушаться, поступать так, чтобы не огорчать того, кто так тебе дорог.

М. Конашевич, художник, создававший иллюстрации к детским книгам, в своих воспоминаниях приводит такой эпизод. В детстве он однажды, тренируясь в фокусах, сумел закрыть, находясь снаружи, дверь туалета изнутри. В какой-то момент поднялся шум, все стали думать, что с кем-то там внутри плохо, но когда убедились, что все в наличии, взрослые решили, что это проделка юного Конашевича. Он пишет с большой благодарностью в своих воспоминаниях, что его выручила бабушка, придумавшая для него алиби. Однако когда они с бабушкой остались одни, она изрядно намылила ему голову.

Обсуждение неприятных случаев один на один с ребенком, а не вселюдно — необходимое условие формирования уважения человека к себе и другим. Оно создает внутреннее ощущение защищенности и уверенности в близких, в их способности подставить плечо. Бабушка солгала ради сохранения доброй репутации внука. И ему ничего не оставалось как эту репутацию оправдать.

Стоит помнить, что великодушие — наверное, одно из самых дорогих качеств человека. Недаром его называют таким словом, подразумевая, что оно связано с величием души. Не стоит жестко наказывать все проступки ребенка, особенно когда он становится школьником. Иначе у него не будет возможности самостоятельно судить о своих деяниях

(поскольку взрослые все сами сделали за него). Важно, чтобы родители оставляли ребенку пространство для размышления над последствиями собственных действий. Условия для этого возникают, когда проступок обнаружен, и взрослый показывает, как исправляется неверное решение. Важно, что в его действиях нет осуждения личности ребенка, но есть огорчение по поводу возникшей неприятной ситуации. Тогда поднимающаяся волна благодарности ребенка будет формировать в нем великодушные и стремление вершить добрые дела.

При наказании и поощрении взрослый может удовлетворять не только прямые цели — обучение ребенка, но и дополнительные: чувства мести, ненависти, неудовлетворенности собой и многое другое. Чаще всего, возможность кого-то наказать или поощрить свидетельствует о том, что у человека есть власть. Известно, что власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно. В семье у родителей практически абсолютная власть над ребенком. И тогда все самое темное, что есть в любой личности, всплывает в определенных ситуациях, и травмирует каждого участника событий.

Например, однажды я спросила учителя начальной школы о том, как ее наказывали в детстве. Она ответила, что ее никогда не наказывали. Очевидно, что этого не могло быть, и я уточнила: «Вы всегда все делали правильно?» «Да, я всегда все делала правильно».

Есть известный психологический феномен. Чтобы вывести человека из ситуации глухой защиты, нужно перевести вопрос в другую плоскость, например, изменить время или объект. Я спросила: «А как сейчас вы наказываете своего сына?» «Ремнем», — ответила она уверенно. «А был ли в вашей жизни ремень?», — продолжила я. «Конечно, он всегда висел на спинке моего стула», — наконец-то появилось четкое объяснение. Глубокоуважаемый читатель, представьте, что вы ребенок, и каждый раз, ища опору на спинку стула, когда вы готовите домашнее задание, вы ощущаете спиной холодную металлическую пряжку ремня. Это ощущение быстро возвращает вас от любого отвлечения к жесткой реальности. Когда-то Ж.-Ж. Руссо обнаружил, что угроза наказания иногда воспринимается сильнее, чем само наказание. Эта учительница уверена, что ее не наказывали, при этом все детство она прожила в ожидании наказания, а потому старалась все делать правильно. Но сейчас она в отчаянии хлещет сына ремнем за то, что он смеет ошибаться. В этом нечто большее, чем просто наказание. В этом вся эмоция несостоявшейся жизни и страх совершить свободный поступок.

В подобных случаях и поощрение, и наказание должны нести особый эмоциональный оттенок, который никогда не обнаруживается в словах, но который жестко закрепляется в психике, и действует на всех участников бесконтрольно со стороны сознания.

Многие ошибки родителей происходят из-за неправильного применения дисциплинарных воздействий. Различают наказание, подкрепление и дисциплинирование. При наказании родитель делает нечто, после чего определенное поведение ребенка исчезает. Например, ребенок врал. Родитель стал наказывать за вранье сильнее, чем за проступок, и ребенок перестал лгать. Подкрепление — действие, которое приводит к усилению поведения ребенка, предшествовавшего этому действию. Например, ребенок сказал правду, как Минька. И папа подарил ему фотоаппаратик. Минька в следующий раз постарается говорить только правду. Стоит подчеркнуть, что подкрепление бывает положительным, как в случае с фотоаппаратиком, так и отрицательным. При отрицательно подкреплении отец должен не только сейчас не купить фотоаппаратик, но и пообещать ничего не дарить в неопределенном будущем. Негативное подкрепление родители часто путают с наказанием. Однако помним, что наказание убирает реакцию, а подкрепление, даже негативное, усиливает ее. Поэтому иногда негативное подкрепление за ложь делает ее постоянной. Родителям стоит обратить внимание на то, что если ребенок лжет часто, то, возможно, своими действиями они не наказывают ребенка (то есть не убирают ложь), а, напротив ее усиливают. Тогда необходимо изменить тактику взаимодействия с ребенком.

Кроме наказания и поощрения иногда различают дисциплинирование. При этом под дисциплинированием понимают меры по обучению детей самоконтролю, предотвращая ошибки и показывая правильную последовательность выполнения задания. Совершая ошибку, ребенок научается ее избегать, если ему сразу же показать правильную последовательность действий. Дисциплина помогает ребенку развивать систему ценностей. Например, благодаря дисциплине он ведет себя честно. Он знает, что такое честность, и почему она важна, он видит, что родители честны с ним, и хочет походить на них.

Наказание контролирует поведение, используя боль или неприятные ощущения, чтобы прекратить плохое поведение в данный момент. Оно не порождает хорошее поведение, но останавливает нежелательное. Негативное подкрепление учит детей избегать ситуации поимки и разоблачения. Они обучаются избегать наказания, часто сохраняя само поведение. Дисциплинирование обучает той последовательности действий, которая дает положительный эффект.

Когда члены семья совместно выбирают то или иное поощрение и штрафы, которые становятся семейными правилами, у детей развивается умение самостоятельно решать проблемы. Социальные последствия поведения, в отличие от природных и логически обоснованных, могут быть весьма несправедливыми. Например, в общеизвестном рассказе А. Чехова про Ваньку Жукова, его хозяйка, вместо того, чтобы селедкой «мордой» тыкать в «харю»

мальчика, должна была показать ему, как правильно чистить рыбу.

Наказание должно быть соразмерно проступку ребенка, целесообразно по форме. Например, ограничение некоторых прав ребенка, временное усиление контроля, некоторая сдержанность в общении, строгое замечание, выговор. Продуктивной формой наказания считается та, которая заставляет ребенка задуматься над проступком, критически оценить собственное поведение. Следовательно, адекватность наказания определяется тем, как родитель наблюдает за изменением поведения ребенка, а не тем, как у него внезапно созревает решение на всякий случай воспитать ребенка сейчас, потому что у него возникло соответствующее настроение.

В основе поощрения лежит положительное подкрепление. Оно может быть как материальным, так и нематериальным: добрые слова, ласковая улыбка, теплый взгляд, положительная оценка, мягкое прикосновение. Чувство принадлежности к семье, обладающей высокими морально-нравственными качествами — лучшее поощрение для развития соответствующих качеств у ребенка. Наградой для многих его поступков будет самоуважение. Материальное вознаграждение развращает не только взрослых, но и детей, которые рано чувствуют, что ими манипулируют. Многие из них, подрастая, с трудом понимают, почему их родители думают, что дети нуждаются в подачках больше, чем во внутреннем чувстве достоинства или ощущении комфорта после выполненного долга. Дети черпают поддержку в любви и добрых словах, а материальное подкрепление часто может быть вредным.

Если ребенок сообщил, что у него в школе все замечательно, а, придя на собрание, родители узнали о другом, значит, в какой-то момент они не услышали, что хотел сказать ребенок. Школа требует, кроме учебных навыков, множество социальных: умения находить друзей, договариваться с учителем, записывать домашнее задание и т. д. Не стоит полагать, что ребенок сможет легко сделать это все сам. Конечно, здорово, если к школе он уже умеет многое. Тем не менее, стоит внимательно проследить, как складывается общение ребенка с детьми и с учителем.

Есть один важный знак неблагополучия в школе — какой-то соматический симптом по понедельникам или дням проверочных работ: болезнь живота, головы, подъем температуры или рвотный рефлекс. Когда-то у моего младшего сына, когда он учился в достаточно сложной, но престижной школе, каждый понедельник возникал рвотный рефлекс. Его никогда не было в выходные, на праздники или каникулы. Сын моей подруги учился в том же классе. Я позвонила ей. Оказалось, что у ее сына по понедельникам раздувало живот.

Статистика свидетельствует о том, что абдоминальные (связанные с животом) боли возникают у 19% детей в разных концах света, обычно, по понедель-

никам. Эти боли легче всего воспроизводятся детьми при стрессе. Возможно, читатель помнит мелкие неприятности с желудком в моменты, когда он сам сдавал важные экзамены в школьные или студенческие годы. Если пребывание в школе или детском саду почему-то обременительно для ребенка, то его отрицательное эмоциональное состояние провоцирует тот или иной соматический симптом. Организм ребенка (совершенно неосознанно) экспериментирует с разными проявлениями, но останавливается на тех, которые привлекают внимание родителей и позволяют остаться дома. У меня в детстве тоже часто болел живот, поэтому я не реагировала на этот симптом у моего ребенка (хотя, возможно, он демонстрировал и его), поэтому сыну пришлось найти новый сигнал — рвотный рефлекс, который меня сильно беспокоил. Особо одаренным детям удается поднять температуру тела, что позволяет совершенно легитимно оставаться дома сколько душе угодно. Легкость возникновения психосоматических расстройств у детей объясняется слабой миелинизацией нервной системы. У взрослого электрически активные нейроны покрыты особой изолирующей их оболочкой — миелином. У детей нейроны достаточно долго остаются без этого покрытия. Это ведет к тому, что эмоциональное состояние может вести к дополнительному возбуждению различных центров, ответственных за активность тех или иных органов. Следствием этого может быть возникновение психосоматических симптомов. Важно помнить, что это делается неосознанно. И потому нужно воздействовать не на заболевание, а на причину, вызывающую у ребенка стресс. В этом возрасте это, скорее всего, сложности в школе. Следовательно, нужно либо научить ребенка справляться с проблемой, либо убрать саму проблему. Стоит напомнить, что в силу особенности причины, наказание только ухудшит ситуацию.

В ситуации с моим сыном мы пошли по второму пути и сменили школу. Первый раз, когда мой сын пошел в это новое учреждение, у него вновь возник рвотный рефлекс. Я весьма нейтрально предложила сначала сходить в школу, а потом решить — нужен ему рвотный рефлекс или нет. Когда вы говорите такие вещи с легким юмором, не осуждая ребенка и не наказывая, он отказывается от симптома. Затем, когда этот же сын был в 11 классе, система изменилась. Учителя в безумстве каждый день насиловали подростков подготовкой к ЕГЭ, и мой сын часто стоял в ванной, откуда раздавался шум воды. Это означало, что он нагревал градусник до 37 градусов. Я никогда не говорила ему, что догадываюсь, откуда взялась температура. Однако разрешала не ходить в этот день в школу. Но обязательным условием была подготовка всех заданий и чтение учебников. Я не могла остановить школьную истерию, но могла позволить сыну отдохнуть от нее, а не от занятий. Тем не менее, когда истерия стала превышать все возможные пределы, я во второй четверти одиннадцатого класса перевела его в частную школу, хотя в на-

шей прежней школе мне говорили, что только плохая мать может так поступать в выпускном классе. В новой школе было 6 человек в классе, что позволяло учителю любой квалификации на каждом занятии опрашивать каждого ученика. Уроки делали прямо в школе, после занятий, а потому школьников кормили 4 раза в день. Вечером, когда он возвращался из школы, у меня не было необходимости терроризировать сына словами: «А ты выучил уроки?». У нас появились другие темы для обсуждения. Должна сказать, что уже прошло несколько лет, но я так и не спросила у сына ни разу, что он получал в четвертях одиннадцатого класса. Появилась уникальная возможность переложить ответственность за поступление в вуз на него, а не идти на поводу системы, направленной не на процесс обучения, а на подготовку к экзаменам. В прежнюю школу нужно было выходить из дома в восемь утра, в новую — в шесть. Тем не менее, после перевода сын ни разу не заболел и не грел градусник в ванне.

Дети не могут решить все проблемы. Но когда появляются первые психосоматические симптомы, необходимо найти причину и устранить ее. К сожалению, часто возникают две другие реакции взрослых. Первая неверная реакция состоит в том, что родители идут с ребенком в больницу и весьма скоро получают диагноз (при абдоминальных болях наиболее вероятными будут дуоденит или гастрит). Если и дальше идти в этом направлении, то можно освободить ребенка от постоянного посещения школы и ввести домашнее обучение. Скорее всего, это приведет к тому, что ребенок будет отлично учиться, но не научится взаимодействовать с детьми. Любая трудность будет вызывать обострение заболевания, поскольку этот путь ведет к формированию профессионального больного. Ребенка научили, что самый эффективный способ ухода от проблемы — бегство в болезнь.

В качестве предостережения родителям я хотела бы нарисовать такую картину. Когда-нибудь мальчик вырастет, женится, у него появятся дети. И когда возникнет проблема с его ребенком, он, вместо ее решения, схватится за живот и ляжет на кровать. Нужно ли это кому-то? Более того, это будет абсолютно объективно, а боль будет такой силы, что прикует к постели надолго. А если кто-то засомневается, то откроется и язва. Дело в том, что организм, включая психосоматический путь, не шутит. Реализация стресса не через изменение поведения, а через симптом ведет к реальным изменениям в органе, участвующем в симптоме. И это, например, в детстве гастрит, потом язва, а потом прободение язвы.

Не лучше ли сразу показать, что проблемы имеют множество решений? И большая часть вообще находится вне соматического поля, но в конкретном поведении. Другое неверное решение состоит в том, что родитель может пойти на поводу у школы и вместе с учителями загонять ребенка в угол. Возможно, сообщения о самоубийствах подростков после проб-

ных ЕГЭ будут надежными сигналами неэффективности подобного поведения родителей.

Еще один пример эффективного разрешения школьных проблем описывает в своих воспоминаниях Карл Густав Юнг. Однажды, когда он, будучи мальчиком, возвращался из школы, его толкнул одноклассник. Юнг упал, его привели домой, и несколько дней он не мог ходить в школу. Вскоре у него появился симптом: как только он брал учебник в руки, у него возникал припадок. Отец обращался к разным врачам, но те не могли найти причины болезни. Они освободили ребенка от посещения школы, и это были замечательные дни, когда мальчишка наслаждался свободой. Но однажды в такой прекрасный день, гуляя по саду, он случайно подслушал разговор своего отца с его другом. Друг спросил о состоянии здоровья сына, и отец с горечью ответил, что он не знает, что можно еще предпринять. Он отдал все деньги врачам, и если сын будет болеть и дальше это полностью подорвет финансовое положение семьи. Более того, он не сможет содержать себя, когда родителей не будет. Это произвело сильнейшее действие на мальчика. Он пришел в кабинет отца, взял учебник латинской грамматики и стал учить урок. Через 15 минут возник первый припадок. Но мальчик преодолел себя и упорно продолжал учить. Тогда возник второй припадок, и когда мальчик проигнорировал и его, они больше не повторялись никогда. Так маленький Карл Юнг избавился от неврологических симптомов, которые так любил, пока полагал, что они не несут последствий для него лично. Более того, именно их он изучал всю последующую жизнь, стремясь избавиться от них других людей.

Хочется подчеркнуть, что практически все дети в сложной ситуации могут демонстрировать психосоматические симптомы. Важно их отметить и бороться не с ними, а с причинами, их вызывающими. И никогда не наказывать ребенка за них, поскольку это может только усилить симптом.

Ложь дошкольника менее искусна, чем ложь школьников. Но и правда школьников может иметь более мощные последствия, чем у малыша. До сих пор в обществе не прекращаются споры относительно поступка Павлика Морозова. В моем детстве это был герой, который сказал правду, сообщив о месте, где его отец спрятал зерно. Это сейчас мы знаем, что родители скрывали хлеб, поскольку должны были планировать и жизнь собственной семьи, чтобы не умереть с голоду.

Это непростой вопрос: свидетельствовать против своих родителей. Мы знаем, что в США совсем недавно девочка принесла в полицию сумку с наркотиками, которые употребляли ее родители. Это произошло после того, как помощник шерифа рассказал в классе о вреде наркотиков. Девочка оказалась в приюте, родители — в тюрьме. Это сообщение раскололо общество, поскольку часть людей полагало, что девочка совершила подвиг, а другая часть думала, что она совершила предательство.

Как бы ни рассматривать подобные поступки, необходимо сделать вывод, что в некоторых случаях дети не должны знать некоторые вещи о своих родителях, чтобы нечаянно не подвести их.

Воспоминания многих людей, переживших период сталинских репрессий, указывают на факты, что родители многого не говорили детям, боясь, что те могут нечаянно сказать это где-то еще. До сих пор многие люди не знают истории собственной семьи, поскольку во многих семьях не рассказывали о прошлом, чтобы не навлечь неприятностей. Однажды я проводила занятия в девятых классах и попросила школьников построить генеалогическое древо) вместе с родителями. Из 60 детей только двое сделали большое описание своей семьи вместе с бабушками. Подавляющая часть девятиклассников знала бабушек и дедушек только по именам, а родственников более дальних не знало совсем.

Наверное, и сейчас многое из взаимоотношений родителей детям знать не стоит. Но не по политическим соображениям, а потому что родители нуждаются в приватности, в личностном пространстве, куда нет доступа даже их детям.

Решение данной проблемы в семье достаточно просто: родители сообщают детям не всю правду, а только ту, которая не навредит ни детям, ни родителям. Поскольку, для того, чтобы ребенок не оказался в столь сложной ситуации, нравственными должны быть не только родители, но и общество. Пока же именно родители должны дозировать правду, опираясь на прогноз последствий ее для семьи. Например, ребенок не должен знать ничего о сделке по продаже или покупке дорогостоящих вещей. Это уберезет всю семью от проблем, связанных с тем, что ребенок похвастается на улице перед детьми о перемене в их семье.

В данном возрасте актуальны все типы лжи, собственные и дошкольникам. Ложь из-за страха перед наказанием, ложь из-за желания получить похвалу, стремление привлечь внимание, повысить самооценку. Но теперь ложь может обеспечивать защиту друзей. Как научить ребенка различать донос и правду в отношении друзей? Что делать, если одноклассники курят? Ребенок должен сообщать об этом кому-то? Кому? Если в школе кого-то избивают? Как себя вести?

Страшные кадры избиения и учеников, и учителей, выложенные в интернете, подтверждают, что это не праздный вопрос. Более того, открытое выступление ребенка может быть опасно и для него самого.

Поскольку в школах может быть разная политика в отношении разрешения этих проблем, очень важно, чтобы у ребенка были доверительные отношения с родителями, и они могли позволить ему рассказать об этих событиях. Получив подробные сведения, родители могли бы сами решить, как поступать дальше в соответствии с конкретной обстановкой. Крайне опасно, если ребенок останется один на один с этими знаниями. В любом случае родитель должен за-

ранее провести профилактическую работу и объяснить, что донос — это получение выгоды от сообщения какой-то информации учителям или родителям, тогда как изложение правды — это предотвращение вредных последствий неправомерных действий подростков.

Более просто разрешается проблема с курением. Задача взрослого в данном случае научить ребенка противостоять насмешкам и ехидным замечаниям курильщиков. Это будет важным моментом личностного роста, когда ребенок научится отстаивать собственное мнение и достоинство и обосновывать собственную непричастность к компаниям курильщиков или пьяниц. Полезным будет и то, что отец возьмет сына на занятия спортом, а мать поведет девочку с собой в фитнес-клуб, чтобы показать, как много людей ведут здоровый образ жизни, помочь сравнить их с теми, кто это не делает. В любом случае занятый ребенок будет иметь меньше шансов проводить время с детьми, которым нечем себя занять.

Труднее обстоят дела с насилием в школе. В любом случае необходимо, чтобы ребенок не боялся сообщать об этом родителю. Всегда сначала после получения такой информации нужно поблагодарит ребенка за доверие. А далее родитель должен действовать по обстоятельствам и таким образом, чтобы его ребенок не оказался козлом отпущения там, где администрация школы будет бессильна, а родители хулиганов не захотят восстановить справедливость, а постараются скрыть факты насилия.

В первом классе еще ложь и фантазия продолжают быть в одном ряду. Петр Федорович Каптеров приводит такой случай. В 1886 году в Париже, в квартале la Chapelle произошло большое волнение умов из-за сообщения 8-летней девочки. Она рассказала своим подругам, что ее отец принес домой труп, а затем бросил его в канал, при этом она со свечою в руках шла впереди и светила отцу. Подружки передали информацию родителям, а те — полиции. При расследовании выяснилось, что девочка все выдумала. На вопросы полицейского комиссара она отвечала, что придумала историю с трупом, чтобы одурачить своих глупых подруг, и что когда она говорила о трупе, то, разумела труп собаки, а не человека. Девочка сделала это ради минутного торжества над подругами.

Чем меньше внимания уделяется ребенку родителями, тем больше вероятности формирования у него тотально лживого поведения. Например, девочка лет семи подходит к женщине, гуляющей с ребенком, и пытается начать беседу. Она говорит, что ей тринадцать лет, что у нее дома есть масса всего и расцвечивает свой монолог яркими красками очевидных фантазий. Тут подходит другая девочка и задает резонный вопрос: «почему ты говоришь неправду, что тебе 13 лет? Я учусь на класс старше тебя, но я только во втором классе». Первая девочка не теряется и тут же начинает выдумывать фантастические причи-

ны, по которым она ранее говорила ложь. Безусловно, причиной такой лжи должны быть серьезные семейные проблемы.

Однажды мы несколько месяцев с сыном жили в США, и он посещал американскую среднюю школу. Несмотря на то, что до приезда сын ходил в английскую школу, первые недели обучения были достаточно трудными. И ему дали в помощницы двух девочек, также приехавших из России. Сын регулярно отмечал существенное различие между девочками. Одна приехала с родителями, которые получили работу в США, а другая была приемным ребенком в очень доброй американской семье. Первая девочка честно выполняла свои обязанности помощника, тогда как вторая постоянно лгала по любому поводу. Поскольку никто не мог отследить ее вранье на русском языке, кроме моего сына (ее приемные родители и учителя школы не знали русского языка), она безудержно фантазировала, пытаясь таким образом доказать собственную успешность, что не соответствовало истине: она училась весьма посредственно.

Ради доказательства собственного превосходства, даже минутного, дети могут лгать, хотя и знают о том, что последствия могут быть весьма тяжелыми. Сообщество подростков, особенно в обществе, где семьи существенно отличаются по уровню достатка, может быть весьма жестким, не имеющим такта и не желающим щадить чье-то достоинство. В этих условиях часть детей применяет тактику Карлсона, который врет от слабости.

Если у одноклассников крутые мобильники, что делать ребенку, у которого он на порядок дешевле? Можно сказать, что у тебя настолько крутой аппарат, что ты держишь его дома, чтобы никто не украл.

Загляните в любую школу — сравнение возможностей мобильных аппаратов — одно из типичных развлечений детей на переменах. Но стоит требовать от детей прекратить это, поскольку всегда будет экономическое неравенство, и ученику нужно научиться вести себя в таких условиях. Ребенок должен привыкнуть к тому, что деньги и вещи — лишь средство выполнения задуманного. Если родители полагают иначе и ставят деньги и вещи как цель в жизни, то они и сами будут лгать, и должны принять это поведение для ребенка. Цель в жизни, предполагающая поведение, основанное на правдивости, может включать либо самореализацию, либо личностный рост человека. Только в этом случае для ее достижения можно использовать не все средства, но лишь те, за которые в последствие не будет стыдно.

Именно поэтому нужно регулярно объяснять детям, что скупить все вещи невозможно, а потому всегда у кого-то будет вещь лучше, чем у тебя. Когда-то мой сын-пятиклассник, придя из школы, стал рассказывать о том, какие мобильные телефоны есть у его одноклассников. В голосе были нотки зависти, поскольку его дешевый мобильник существенно проигрывал другим по многим параметрам.

Мы поговорили о том, что вещи должны выполнять возложенную на них функцию, а не быть средством, с помощью которых сравнивают людей по шкале лучше — хуже. Затем я предложила сыну посмотреть, как будут развиваться события дальше. Логику моих рассуждений понимает любой взрослый: в обществе, где нет достаточного числа рабочих мест и высокий уровень преступности, ребенок с дорогими вещами находится в зоне повышенного риска. К сожалению, события развивались даже быстрее, чем можно было предполагать. Это связано с тем, что в нашем районе находится самый большой рынок города, на котором продаются, в том числе, и подержанные вещи. В конце недели сын пришел с огромными глазами и рассказал, что мальчишку с самым дорогим мобильником ограбили и избили. Но через некоторое время ограбили и квартиру, в которой он жил. Обсуждение ситуации привело к тому, что с этого времени мы больше не возвращались к этой теме.

Подобные разговоры и действия могут убрать и еще одну причину лжи — ложь ради получения желаемого. Очень важно, как уже говорилось ранее, чтобы ребенок участвовал в обсуждении расходов семьи и понимал ее возможности. Родители, в свою очередь, должны показать ребенку иерархию ценностей, принятых в семье. Например, в ней могут тратиться большие средства на развитие каждого члена семьи, при этом экономия на других статьях расходов. И тогда ребенку покупают дорогостоящие инструменты или спортивные предметы, но дешевый мобильный аппарат. Можно показать, каковы механизмы сбережения денег, и каким образом ребенок своими действиями может помочь родителям в этом. Открытость родителей приведет к открытости ребенка. Но при обнаружении лжи стоит наказывать за ложь сильнее, чем за проступок или ошибку.

Мы уже говорили, что иногда дети лгут, чтобы избежать наказания или стыда. В этом случае ответственность в полной мере ложится на родителей. Если ребенок лжет из страха наказания, значит в действиях родителя преобладает эмоциональная составляющая, суть которой не изменить поведение ребенка, а снять напряжение родителя за счет самого слабого звена в семье — сына или дочери.

Многочисленные эксперименты с детьми показали, что более сильное наказание не снижает вероятность лжи, а, напротив, повышает ее вероятность. Обычно в подобных экспериментах детям показывают что-то очень привлекательное, например, яркую машину или робота. При этом экспериментатор предупреждает, что прикосновение к игрушке в отсутствие экспериментатора будет связано с наказанием. Детей делят на две группы. В одной группе предполагается достаточно слабое наказание за нарушение договоренности между взрослым и детьми, в другой — более сильное. Оказалось, что в каждой группе примерно равное число детей прикасалось к роботу в отсутствие экспериментатора. Но в

дальнейшем, когда был введен запрет в других условиях и на другое действие, дети из группы, которым обещали меньшее наказание, реже нарушали договор со взрослым. Это говорит о том, что, однажды решив сотрудничать со взрослым и не нарушать правила, дети из группы с мягким наказанием, придерживались этого принципа и в других ситуациях.

Но задача взрослого именно в том и состоит, чтобы ребенок переносил договор доверия на разные действия, а не заключал его с родителями в каждой конкретной ситуации заново.

Мы проводили следующий эксперимент с детьми 6—7 лет. Дети выполняли ассоциативный тест в нескольких разных условиях. Предварительно дети были разделены на тех, у кого интеллект выше среднего в данной группе и тех, у кого интеллект был ниже среднего (у детей оценивался общий интеллект с помощью теста Равенна). Затем дети обеих групп выполняли ассоциативный тест: им нужно было придумать как можно быстрее при предъявлении слова противоположное слово. Сначала они выполняли данный тест без дополнительных условий, а затем при положительном и отрицательном подкреплении. При положительном подкреплении за несколько правильных ответов ребенок получал конфету, при отрицательном подкреплении за каждый неверный ответ у него забирали ранее заработанные конфеты. В конце исследования детям возвращали все конфеты.

Оказалось, что лучше всего отвечали в ассоциативном тесте дети из группы с более высоким интеллектом в ситуации без какого-либо подкрепления. Дети с более низким интеллектом при всех условиях работали хуже, но лучшие показатели обнаружены для работы на фоне наказания, и хуже всего — без всякого подкрепления. Следовательно, и здесь, как и в ранее описанном исследовании, если ребенок работает на основе осознанного желания, он выполняет задание лучше, чем в случае работы с целью избежать наказания или заслужить поощрение. Именно поэтому самым надежным способом воспитания правдивости в ребенке будет формирование в нем осознанного желания быть правдивым, чтобы почувствовать себя правомочным членом хорошей семьи.

Если ребенок лжет, потому что ему стыдно, значит, родители применяют чрезмерное моральное наказание. Чувство вины не должно быть чрезмерным. Если чувство вины ведет к личностному росту ребенка (он стремится сделать больше), то мы можем говорить о его разумной величине. Но если чувство вины ведет ко лжи и стремлению не совершать поступков, чтобы не делать ошибок, то родители переусердствовали с формированием ответственного поведения. Обычно такие родители требуют после ошибки ребенка, чтобы он повинился и сказал, что более так делать не будет. Мы уже говорили, что родителям необходимо дать ребенку немного самостоятельности в продумывании последствий своих поступков.

Суть вины заключается в том, что при совершении тех или иных ошибок и сам человек, и окружающие оценивают не конкретный его поступок, а личность в целом. Оступился, наделал ошибок — значит, плох как личность. Когда об этом твердят с детства, когда на данном постулате построена вся система воспитания и образования, любой, в конце концов, искренне начинает верить, что ошибаться действительно плохо, стыдно и недостойно хорошего, порядочного человека. При этом другая сторона подобного воспитания ограничивает человека в его оценке своих поступков и себя самого: каждый может лишь критиковать себя, а добрые слова о нем говорить могут только другие. Подобный стиль воспитания формирует уникальный механизм самоуважения с двойным дном. С одной стороны, на осознанном уровне возникает интенсивная эмоция переживания собственной «плохости». С другой, на неосознанном уровне, она воспринимается как перевертыш (поскольку бессознательное должно находить хоть что-то полезное в своем носителе) — инвертированная эмоция самоутверждения: «Я повинился, значит, я — хороший!» Именно это подспудное переживание является причиной длительного и страстного самобичевания, в основе которого лежит извращенное самоподбадривание для тех людей, которым запрещено осознанно говорить себе: «Я хороший и достойный человек». И чем эмоциональнее винит себя человек, тем сильнее в нем этот второй пласт. При этом приятность чувства вины состоит в том, что оно не требует исправления ошибок, действия, направленного на восстановление ущерба. Оно лишь вызывает эмоцию.

Состояние ответственности предполагает иную последовательность эмоциональных переживаний, когда совершается проступок. Осознав ошибку, ответственный человек отделяет себя как личность от поступка. Он ощущает себя хорошим и достойным при любых обстоятельствах, но действия свои оценивает по результату. Именно поэтому, совершив ошибку, он не занимается самобичеванием, а решает, что нужно сделать для скорейшего ее исправления и компенсации ущерба, а также для того, чтобы эта ситуация вновь никогда не повторилась. Человек сохраняет чувство собственного достоинства и отвечает за свои действия.

С психологической точки зрения, есть существенная разница между людьми ответственными и виноватыми. Первые — самостоятельны, вторые — легко управляемы. Это объясняется тем, что первым не нужна внешняя оценка для признания собственной значимости, тогда как вторые прямо зависят от нее. Именно поэтому родители, воспитывая в ребенке правдивость, обнаружив ложь, отделяют лживый поступок от личности ребенка. Ребенок для них не теряет ценности в зависимости от проступка. И они четко показывают ребенку, что наказывают его не за его личностные качества, а за ложь, прикрывающую проступок. Тогда они не будут формировать в нем

чрезмерное чувство вины и, как следствие, безответственное поведение.

Наконец, ребенок может лгать по причине некомпетентности. Я общаюсь с мальчиком 11 лет. Я пытаюсь ему объяснить, что нельзя знать все. Вдруг он утверждает: «Но я знаю почти все».

— Ты знаешь и физику, и химию?

— Нет, мы это не проходили.

— Ты знаешь английский и сможешь сейчас прочесть книгу на этом языке?

— Нет, мы еще до этого не дошли.

— Тогда ты знаешь лишь то, что является содержанием твоих учебников?

И вдруг становится ясно, что 11-летний человек до настоящего времени не осознавал, что его знания ограничиваются кругом учебников. Он живет в обстановке, где считается, что содержание школьных учебников — это истина, и это достаточная истина в конечной инстанции. По логике его учителей, человек, знающий учебник, — знает все. Особенность части образовательных учреждений в настоящее время составляет некомпетентность отдельных учителей, преподающих учебный материал не как знания, полученные человеком в процессе изучения природы, и потому имеющие определенную долю истинности, а как саму истину в ее законченной форме. И дети, верящие таким учителям, искренне доверяются неправде.

Мы уже говорили о том, что восприятие, и, соответственно, мышление ребенка определяется опытом. Когда ребенок живет в закрытом мире семьи и школы, у него нет знаний о собственном незнании.

Часто совершать проступки и потом лгать подбивают сверстники. Когда-то в моем детстве перед двухэтажным домом, в котором мы жили, был небольшой огород, на котором каждая семья что-то высаживала. Ребятишки никогда не покушались на овощи на этом огороде. Но рядом с нашим домом построили большой четырехэтажный дом, в котором было много ребят, воспитанных иначе, чем те, кто проживал в нашем дворе. Я помню, как они подбивали нас забираться на огород и есть овощи. Надо заметить, что и есть их не очень-то хотелось, но групповое давление требовало от нас приобщаться к чужим продуктам. Мне и тогда было стыдно за это поведение, и сейчас мне жаль, что тогда я не знала, как отказаться от этого действия. Следовательно, родители должны сами начать обсуждение с детьми того, что другие могут совершать проступки, но не следует присоединяться к этим совместным действиям.

Многочисленные исследования показывают, что младшие школьники легко поддаются групповому давлению. Например, в одном из таких экспериментов во время праздника детей приглашали в дом и предлагали взять по одной шоколадке. Если ребенок приходил в дом один, он, обычно брал одну шоколадку. Если деть приходили группой, то большая часть из

Третья Международная научно-практическая конференция
«Психология телесности: теоретические и практические исследования»

24—28 января 2011 года

Организаторы: Общероссийская общественная организация «Федерация психологов образования России», Департамент образования города Москвы, Московский городской психолого-педагогический университет, Пензенский государственный педагогический университет им. В.Г. Белинского, Институт интегративной психологии профессионального развития, Институт практической психологии и психоанализа, Кафедра танцевально-двигательной психотерапии, Центр практической психологии образования.

Цель Конференции — объединить усилия специалистов, занимающихся психологией телесности в различных видах практики, поделиться опытом со специалистами различных школ, направлений и подходов, работающих с телом.

К участию в Конференции приглашаются все, кто интересуется возможностями человеческого тела в решении психологических проблем, развития личности и в достижении успешности — опытные профессионалы, начинающие специалисты, студенты и все желающие.

Основные направления работы: теоретические проблемы психологии телесности; образ тела как категория психологического исследования; психологические ресурсы телесной метафоры в работе с клиентом; телесность: здоровье и болезнь, социокультурные нормы и аномалии; телесность: возрастные особенности; психология телесности и психологическое исследование; применение методов работы с телом в образовании и за его пределами; новые методы, приемы и направления использования телесности в психотерапии; интегративный подход в телесно-ориентированной терапии, единство теории и практики; духовные традиции и психологическая практика; йога как особый метод в телесно-ориентированной психотерапии; использование технологии массажа в психокоррекционной работе.

Формы работы Конференции — доклады, мастер-классы, воркшопы, круглые столы.

Формы участия в Конференции: очное участие (личное участие с докладом, ведение мастерской, лаборатории, воркшопа и пр.; личное участие без доклада); заочное участие (публикация).

Заявки на участие в конференции принимаются до 1 декабря 2010 года по адресу olga@cppo.ru. Форма заявки — на сайтах: www.cppo.ru, www.rospsy.ru, www.integratio.ru

В рамках работы Конференции предусматривается издание **сборника статей**. Условия публикации — на сайтах www.cppo.ru, www.rospsy.ru, www.integratio.ru Статьи просим высылать до 20 декабря 2010 г. по адресу psytel@gmail.com.

Конференция пройдет в пансионате Ивантеевка (Московская область).

Тел.: 8 (926) 409-23-68 (Юлия Сергеевна Светохина)

E-mail: olga@cppo.ru

Сайты: www.cppo.ru, www.rospsy.ru, www.integratio.ru, www.atdt.ru

них хватала по несколько шоколадок. Это связано с тем, что в одиночестве ребенок точно знает, что его поступок будет известен. В группе он анонимен, а потому ложь может остаться без последствий. Воспитание самоуважения позволит снизить силу группового давления на ребенка.

Есть еще одна причина лжи. Более того, ей родители должны специально учить ребенка. Это ложь, направленная на то, чтобы сохранить жизнь. В нашей семье есть предание об одной из прабабушек в ряду поколений. У нее умер муж, и она одна держала пасеку. Пасека была в отдалении от села, а потому, когда в какой-то момент пришли грабители, было не к кому обратиться за помощью. Женщина накрыла дочь ветошью и велела молчать, чтобы та не услышала. Женщину пытали, чтобы вызнать, где она хранит деньги, а потом убили. Она пыталась молчать, чтобы не спугнуть дочь. Ее дочь осталась жива. Это преда-

ние сообщается как пример того, что иногда ложь просто необходима.

Родители должны научить ребенка открыто лгать, если он встречается с опасным человеком. При этом обозначить такого опасного человека для ребенка 7-8 лет весьма непросто. Например, оставшись один дома, ребенок незнакомым людям, звонящим в дверь, может ответить, что родитель спит. Когда на улице незнакомец предлагает отвести ребенка домой к маме, необходимо бежать в толпу людей и искать там защиту и т. д. В любом случае ребенок должен знать о многообразии ситуаций и о том, что иногда ложь более полезна, чем правда.

Продолжение в следующем номере.